

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ

СОЦРЕАЛИЗМ: PRO ET CONTRA

Антология

Издательство
Русской христианской гуманитарной академии
Санкт-Петербург
2024

Серия «РУССКИЙ ПУТЬ»

Серия основана в 1993 г.

Редакционная коллегия серии:

Д. К. Богатырёв (председатель), В. Е. Багно,
А. А. Ермичёв, К. Г. Исупов (ученый секретарь),
А. А. Корольков, М. А. Маслин, Р. В. Светлов, В. Ф. Федоров

Ответственный редактор тома

Д. К. Богатырев

Составители

О. В. Богданова, Д. М. Цыганов

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного
фонда № 23-18-01007, <https://rscf.ru/project/23-18-01007/>;
Русская христианская гуманитарная академия
им. Ф. М. Достоевского

**Социалистический реализм: pro et contra. Социалистический
реализм в литературе** / сост. О. В. Богданова, Д. М. Цыганов,
вступ. статья Д. М. Цыганов. — СПб.: РХГА, 2024. — xxx с.
(Русский Путь).

ISBN 978-5-88812-?????

В антологию «Социалистический реализм: pro et contra. Социалистический реализм в литературе» включены правительственные постановления, декреты, манифесты, редакционные и аналитические статьи, публицистические эссе, критические рецензии, дающие глубокое и по возможности полное представление о разнообразии и неоднозначности позиций, мнений и решений относительно теории и практики социалистического реализма, о сложности и противоречивости восприятия этого неординарного явления в области литературы как в начале XX века, так и столетие спустя.

Издание предназначено для специалистов в области отечественной культуры и литературы, для всех интересующихся проблемами развития русской советской литературы XX века.

© О. В. Богданова, составление, комментарии, 2024

© Д. М. Цыганов, составление, вступ. статья, 2024

© Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского, 2024

© «Русский Путь», название серии, 1993

ISBN 978-5-88812-?????

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Вы держите в руках книгу серии «Русский Путь» — первый том антологии «Социалистический реализм: pro et contra», отражающий рецепцию в литературе этого своеобразного явления, возникшего и расцветшего в культуре XX в.

В 2024 году РХГА отметило 35 летие своей научно-педагогической и духовно-просветительской деятельности. Юбилей отмечает и являющаяся «визитной карточкой» РХГА книжная (теперь уже и электронная) серия «Русский Путь», число томов которой приблизилось к двум сотням изданий. «Русский Путь» открылся в 1994 году антологией о Н. А. Бердяеве. Плодом исследовательской, информационно-технической и издательской работы стали своего рода «малые энциклопедии» о философах, писателях, деятелях науки, искусства и Церкви, в первую очередь российских. Однако целый ряд книг представляет российскую рефлексию идейного наследия зарубежных мыслителей — от Платона и Августина до Маркса, Хайдеггера и Рассела. Эта работа будет продолжена.

«Русский Путь» изначально задумывался как серия книг не только о мыслителях, но и демиургах отечественной культуры и истории. Увидели свет антологии практически обо всех царях династии Романовых, опубликован том о последнем Рюриковиче Иоанне Грозном. К царскому ряду примыкают антологии о государственных деятелях, революционерах, военачальниках и политиках, от М. И. Кутузова и К. П. Победоносцева до В. И. Ленина и М. С. Горбачёва.

Важным этапом развития «Русского Пути» является переход от персоналий к реалиям. Таковые могут быть маркированы различными терминами — универсалии культуры, мифологемы, категории духовного опыта, типы религиозности. В последние годы работа в указанном направлении активизировалась. Осуществлена публикация книг, отражающих культурологическую рефлексию ключевых духовных традиций в истории человечества — иудаизма, христианства, ислама, буддизма. Опубликованы антологии, посвященные рецепции христианских конфессий, а также базовых идеологий Нового времени, таких как либерализм, национализм, социализм, анархизм, консерватизм. Увидели свет четыре тома,

отображающие оценку феномена русской классики. Первый том охватывает Золотой век, второй — Серебряный, третий — Железный. Четвертый дает представление об отношении к русской классике в мировой культуре. Данный том, посвященный соцреализму в литературе, дополняет и расширяет исследования в этом направлении.

За четверть века модель изданий серии трансформировалась от антологии, включающей классические тексты, к смежному жанру антологии/коллективной монографии, которая содержит тексты современных отечественных исследователей, а также, хотя и в меньшей степени, зарубежных, подобранные в стилистике *pro et contra*, в том числе написанные специально под проект. Это обусловлено повышением уровня современных дискурсов. Действующие авторы вступают в полемику с классиками зачастую на равных. Обозначенные направления работы обычно дополняются созданием расширенных (электронных) версий антологий, которые размещаются на специализированных (как правило, персональных) сайтах. Поэтапное структурирование таких информационных ресурсов может привести в конечном итоге к формированию гипертекстовой мультимедийной системы «Энциклопедия самосознания русской культуры». Данный том также отражает указанные новации. Расширенная версия антологии будет представлена на специализированном сайте socrealism.rhga.ru.

Очерченные перспективы развития проекта являются долгосрочными и требуют значительных интеллектуальных усилий и ресурсов. РХГА приглашает к сотрудничеству ученых, полагающих, что проект «Русский Путь: *pro et contra*» несет в себе как научно-образовательную ценность, так и духовный смысл.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2009 году Х. Гюнтер, чьи труды стоят у истоков осмысления феномена соцреалистического канона, в статье «Пути и тупики изучения искусства и литературы сталинской эпохи»^{*} охарактеризовал некоторые работы, с его точки зрения стоявшие у истоков «критического осмысления ушедшей сталинской эпохи», с позиции ее культурной обособленности, тяготения к оформлению в иерархически организованное целое. Эта отнюдь не единственная работа, содержащая анализ текстов об искусстве сталинского периода советской истории^{**}, ценна для нас именно тем, что в ней выразилось стремление автора к обобщению и систематизации опыта (преимущественно западных славистов) изучения советского культурного канона. Колоссальное количество разысканий в частных областях сталинской соцреалистической культуры вполне отвечает логике, сформулированной М. Чудаковой в статье «Русская литература XX в.: Проблема границ предмета изучения» 1998 года. В ней литературовед указывает на то, что «анализы (отдельных литературных текстов. — Д. Ц.) предельно — вернее, беспредельно — детализировались; они

^{*} См.: Гюнтер Х. Пути и тупики изучения искусства и литературы сталинской эпохи // Новое литературное обозрение. 2009. № 1 (95). С. 287–299.

^{**} Наряду с текстом Гюнтера следует также упомянуть и о других обзорных работах; напр.: Янковская Г. А. Изобразительное искусство эпохи сталинизма как проблема современной российской и зарубежной историографии // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2007. № 3 (8). С. 128–136; Добренко Е. А. 1) О советских сюжетах в западной славистике // СССР: Жизнь после смерти: Сб. статей. М., 2012. С. 27–34; 2) Читая сталинизм: Сталинская культура как исследовательское поле // Новое литературное обозрение. 2022. № 6 (178). С. 104–124; Цыганов Д. М. Интеллектуальная история литературы сталинизма: Библиографический обзор // Летняя школа по русской литературе. 2022. Т. 18. № 1. С. 107–126.

бывают очень интересны (как и совсем неинтересны), попадают доказательства и убедительные, но они не отвечают на основные вопросы — хотя бы потому, что их не ставят»^{*}. Между тем одним из этих «основных вопросов» является вопрос о *методе* исследования соцреализма, о той теоретической логике, благодаря которой отдельные сюжеты смогут преодолеть рубеж иллюстративности и сами по себе приобретут качество объясняющих специфику культурной динамики 1920–1990-х годов. Важность этого вопроса первостепенна еще и потому, что наблюдаемое сегодня «растекание» научного знания в подавляющем большинстве случаев имеет произвольный характер, когда каждая новая работа все больше усложняет, декомпозирует и все меньше проясняет картину литературного процесса минувшего столетия. На сегодняшний день не возникает сомнений в необходимости преодолеть стагнацию в изучении официальной советской культуры сталинизма, которая возникла в гуманитарной науке в связи с появлением в начале 2000-х годов работ, монополизировавших эту область культурной истории.

Структура настоящего тома организована хронологически и определена представлением о том, каким образом функционировала культурная индустрия в 1920–1990-е годы и как ее работа сказывалась на характере советского эстетического канона. Именно поэтому большинство из опубликованных здесь статей и материалов связаны с сугубо *теоретическими* аспектами «основного творческого метода», тогда как второй запланированный том будет посвящен непосредственно проблемам *практической* реализации соцреалистической эстетики в конкретных литературных и критических текстах. Пять частей тома охватывают весь советский период истории и включают в себя не только исследовательские статьи, написанные в последние десятилетия, но и различные материалы (правительственные постановления, теоретические манифесты, фрагменты стенограмм, мемуарные свидетельства и проч.), относящиеся к тому или иному отрезку времени. Противоречивая история минувшего столетия в известной мере реализует принцип «Pro et contra», однако и внутри каждого из периодов «короткого» XX века находилось место ожесточенным столкновениям различных точек зрения на соцреалистическую культуру.

Первая часть посвящена эстетическим поискам в период с 1917 по 1932 год — от ленинского Декрета о печати (27 октября (9 ноября) 1917 года) до постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» (23 апреля 1932 года).

^{*} Чудакова М. О. Русская литература XX в.: Проблема границ предмета изучения // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. Тарту, 1998. Т. 6. С. 193.

Вошедшие в нее статьи и материалы показывают постепенное затухание полемики по вопросам специфики «нового искусства» и постепенное же установление вполне определенных эстетических принципов «Большого Стиля», а также указывают на ту роль, которую в этих процессах играли не только институты (РАПП, ЛЕФ и др.), но и конкретные люди (Л. Авербах, М. Горький, А. Фадеев и др.). Важным пунктом для этой главы стал вопрос о соотношении «новой» художественной практики с различными эстетическими традициями первых двух десятилетий XX столетия (статьи Б. Гройса, Д. Московской, Л. Спиридоновой и М. Чудаковой). Читатель, пройдя путь от первых директивных мер новой власти через полемику между различными творческими организациями, станет свидетелем начавшегося в 1930-е «огосударствления» сферы литературного производства.

Вторая часть, охватывающая сравнительно небольшой промежуток времени от постановления 1932 года до начала войны, посвящена истории утверждения социалистического реализма как «основного метода советской художественной литературы и литературной критики» (А. Жданов). В центре этой части — первоначальное теоретическое осмысление соцреализма, по времени совпавшее с процессом создания Союза советских писателей. Включенные в нее статьи в общем виде намечают контуры шедшего в те годы обсуждения и акцентируют его важнейшие пункты: вопрос об общественной реакции на столь серьезное партийное вмешательство в художественную жизнь (статьи А. Захарова и С. Кормилова), проблему «соцреалистической миметичности» и связанный с нею тезис о «художественной правде» (статьи Б. Гаспарова, Х. Гюнтера, М. Литовской и Е. Скороспеловой) и, наконец, саму природу соцреализма как проекта «советской многонациональной культуры» (статьи Е. Добренко и Н. Скакова).

Третья часть тома охватывает самый малый хронологический отрезок — военные годы. Вошедшие в нее статьи и материалы по большей части фокусируются на том месте, которое было отведено писателю в непростой обстановке первой половины 1940-х годов. Вместе с тем в этой части речь идет не только об организации писательской работы (статьи В. Саватеева и М. Чудаковой), но и о литературно-критической работе (статья С. Кормилова), а также о начавшейся уже в 1943 году подготовке многочисленных проработочных кампаний, которые определили направление культурной политики послевоенных лет (статья Д. Бабиченко).

В четвертой части антологии освещена послевоенная эпоха — период позднего сталинизма (1946–1953 годы). Неравномерный характер осуществления культурной политики в 1920–1950-е

особенно ощутим при сопоставлении хронологически дистанцированных этапов развития режима: полученный в первой половине 1930-х годов и очевидно ослабевший к 1936–1938 годам импульс литературного развития к концу десятилетия вновь набрал силу, однако, будучи прерванным начавшейся войной и довольно краткосрочным периодом послевоенного восстановления, достиг апогея уже в период позднего сталинизма, когда и произошло окончательное складывание культурного канона социалистического реализма. Однако в те же годы сталинский культурный проект впал в кризис, который поставил перед писателями и критиками задачу переопределения теоретического содержания «основного метода». Вошедшие в эту часть статьи и материалы связаны с описанием и анализом институционального комплекса соцреалистической культуры (статьи Д. Цыганова и Г. Янковской), идеологической обстановки эпохи (статья Д. Бабиченко), а также писательской и критико-литературоведческой практик (статьи Е. Добренко и С. Кормилова).

Подытоживающая том *пятая часть* охватывает весь послесталинский период существования литературы социалистического реализма. Уже к 1954 году существенно изменилась организация художественной жизни, сфера послевоенной соцреалистической культуры, сформированная целым комплексом институциональных механизмов, оказалась декомпозирована в результате целенаправленных усилий представителей писательского сообщества. Взятый литераторами на вооружение тезис А. А. Жданова о «большевистской критике и самокритике» как «могучем инструменте» «преодоления противоречий социалистического общества» только усугубил эти противоречия, в конечном счете выродившиеся в анти-тоталитарный импульс, в импульс сопротивления безальтернативности в советской культуре. Все вошедшие в эту часть статьи и материалы так или иначе связаны с вопросом о «стратегиях выживания» соцреалистической эстетики в условиях крушения государственной культурной доктрины.

«Период распада» социалистического реализма — эстетического эквивалента советской «архаизирующей модерности» — растянулся почти на полвека. За этот период некогда цельная и относительно стабильная эстетическая система распалась на несколько частей, каждая из которых легла в основание новых тенденций развития послесталинского литературного процесса. С одной стороны, «классический» соцреализм продолжил существовать в атомизированном виде и с переменной интенсивностью реализовывал себя в итогах творческой деятельности писателей (преимущественно прозаиков), которые поколенчески или идейно тяготели к ста-

линской эпохе. С другой стороны, писатели младшего поколения и авторы, намеренно дистанцировавшиеся от соцреалистической эстетики, создавали свои тексты в обстановке распада системы прежних творческих ориентиров, поэтому перед ними открылось широкое пространство для экспериментирования и опробывания различных деструктивных практик (например, соц-арта, концептуалистских смысловых разъятий, а также широко понимаемой постмодернистской деконструкции*), ускорявших разложение реликтов эстетической доктрины сталинизма. Кроме того, постепенно усиливалось влияние на сферу синхронного литературного процесса творческих практик «классической» литературы имперского периода, широкой по своему спектру символистской и авангардной литературы и литературы «неклассической», почти не имевшей выхода к читателю в эпоху гегемонии соцреализма. Таким образом, в литературном процессе второй половины XX столетия оформились две главные тенденции, первая из которых предполагала опору на «сталинское наследство»**, а вторая стремилась как бы полностью изъять этот травматический для культуры опыт***. Следует, однако, заметить, что тенденции эти были характерны для по-прежнему тяготевшей к бинарности литературной ситуации того периода в целом, а не действовали в качестве структурообразующих, разделяющих писательское сообщество на направления и группы. По точному замечанию М. Липовецкого, в поздней/постсоветской литературе «соцреалистическая стилистика легко вобрала в себя, казалось бы, несовместимые с соцреалистическим дискурсом темы: от государственных репрессий (“Дети Арбата”, “В круге первом”, “Последний бой майора Пугачева”) до апологии монархии (“Сибирский цирюльник”, “Романовы. Венценосная

* М. Липовецкий по этому поводу пишет: «...реактуализация соцреалистического дискурса вписывается в процесс позднепостмодернистского мифотворчества, нацеленного на создание более или менее <...> разомкнутых и игровых мифологических контекстов и моделей идентичности. <...> советская тоталитарность 1980-х годов существенно отличалась от “классического тоталитаризма” — процессы разложения “Большого Стиля” в 1980-е годы зашли уже достаточно далеко» (Липовецкий М. Н. Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М., 2008. С. 728–729).

** Подробнее об этой тенденции см.: Добренко Е. А. Утопии возврата (заметки о (пост)советской культуре и ее несостоявшейся (пост)модернизации) // *Russica Romana*. 2004. Vol. 11. С. 33–44.

*** Подробнее об этой тенденции см.: Богданова О. В. Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60–90-е годы XX века — начало XXI века). СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2004; Преодолевшие соцреализм. Авангард 1970–1980-х в борьбе с социалистическим реализмом: колл. монография / сост. О. В. Богданова. СПб.: Алетейя, 2023; и др.

семья”)»^{*}. Социалистический реализм буквально стал тем самым «неудобным прошлым» русской литературы, «проработкой» которого она занимается по сей день.

^{*} *Липовецкий М. Н.* Паралогии. С. 729.